РАБОЧІЙ МІРЪ

Изданіе Цюрихской группы анархистовъ-коммунистовъ „Рабочій Міръ".

Духъ разрушающій есть духъ созидающій.
БАКУНИНЪ.

Годъ I. 15-ое Февраля 1913 г. № 5.

Отъ редакціи.

(Кое что о задачахъ газеты «Рабочій Міръ»).

Нами полученъ цѣлый рядъ писемъ, въ которыхъ товарищи высказываютъ свое отношеніе къ «Рабочему Міру».

Всѣ сдѣланныя замѣчанія могли бы быть коротко формулированы такъ: «Рабочій Міръ» *не приноровленъ къ уровню развитія широкихъ массъ*, а намъ необходима газета, которая была бы доступна пониманію русскаго рабочаго.

Мы полагаемъ, что подобнаго рода указаніе основано на недоразумѣніи. Товарищи, конечно, правы: «Рабочій Міръ» не является органомъ для широкихъ массъ. Никто также не сомнѣвается въ томъ, что созданіе рабочей и крестьянской газеты является насущной необходимостью. Больше того: многимъ, быть можетъ, наши слова покажутся ересью, но мы полагаемъ, что если бы была хоть *малѣйшая* возможность создать такой *легальный* рабочій органъ, то надо было бы приложить *всѣ* усилія къ тому, чтобы эту возможность использовать. Правда, пришлось бы приспособиться къ проклятія достойнымъ россійскимъ условіямъ, но мы думаемъ, что при извѣстной талантливости, умѣніи все-же можно было бы, въ такомъ органѣ, познакомить широкіе слои рабочихъ съ основными положеніями нашего міросозерцанія и тактики, хорошо же поставленная иностранная хроника дала бы рабочимъ точное и ясное представленіе о принципахъ и формахъ организаціи западно-европейскаго революціоннаго рабочаго движенія. *Только* такой органъ былъ бы массовымъ не на словахъ только, а на дѣлѣ.

Можетъ ли мечтать о чемъ либо подобномъ «Рабочій Міръ ?» Конечно нѣтъ. Не будемъ обольщаться иллюзіями: у насъ нѣтъ связей среди широкихъ массъ! Увы, нѣтъ даже прочной связи съ тѣми немногочисленными товарищами, которые и теперь продолжаютъ пропаганду идей анархизма въ Россіи. Есть ли у насъ та организація, которая брала бы на себя тяжелый трудъ распространенія органа среди массъ ? — Нѣтъ! Зачѣмъ же мы будемъ «дѣлать видъ», будто пишемъ для широкихъ массъ? Намъ, наоборотъ, слѣдуетъ избѣгать ошибки, которыя дѣлаютъ иныя революціонныя газеты: пишутъ такъ, *какъ будто* ихъ читаетъ широкая масса. Но это — самообманъ. Неестественность занятой позиціи заставляетъ пишущихъ повторять — вяло, безжизненно — никому ненужныя, азбучныя истины.

Намъ скажутъ: «если дѣло обстоитъ такъ, то зачѣмъ тогда издавать органъ?» Такое мнѣніе — ошибочно. Мы насчитываемъ *сотни* товарищей, именующихъ себя анархистами-коммунистами. Они пережили опытъ русской революціи. Насъ было много въ дни великой битвы. Теперь ряды наши порѣдѣли: одни просто анархизму измѣнили и «продали шпагу свою», другіе ушли въ какія то полуанархическія организаціи. И все таки, не мало еще стойкихъ товарищей, готовыхъ, при первой возможности, возобновить борьбу. Для нихъ то и стоитъ издавать органъ. Не забудемъ и того, что заграницей живетъ масса рабочихъ не анархистовъ, живо интересующихся вопросомъ — какъ мы учитываемъ опытъ прошлой революціи. Изъ выше сказаннаго не слѣдуетъ, что мы расчитываемъ только на «заграницу» — нѣтъ. №№ «Рабочаго Міра» и сейчасъ — въ крайне незначительномъ, правда, количествѣ — попадаютъ въ Россію. Мы надѣемся, что со временемъ доставка въ Россію будетъ лучше организована. Но, вѣдь, «Рабочій Міръ попадаетъ въ руки *наиболѣе сознательныхъ* товарищей, — о широкихъ массахъ говорить пока не приходится. И съ этимъ фактомъ газета должна считаться, конечно. И здѣсь-то мы подходимъ вплотную къ вопросу о задачахъ «Рабочаго Мира».

Всѣ согласятся съ нами въ томъ, что намъ необходимо по возмости полнѣе учесть опытъ русской революціи. Намъ кажется, что раньше всего необходимо поставить діагнозъ, опредѣлить, чѣмъ болѣло молодое анархическое движеніе. «Рабочій Міръ» отвѣтилъ такъ: *не было соотвѣтствія между максималистическимъ словомъ, идеей и дѣломъ*. Отсюда — колебанія, смутное недовольство и раздвоенность.

И *въ первомъ* же № «Рабочій Міръ» указывалъ на то, что русскіе анархисты формулировали свои задачи крайне неопредѣленно: явно наблюдалось колебаніе между максимализмомъ и минимализмомъ. Констатируя наличность, правда, слабыхъ, минималистическихъ тенденцій *даже* среди анархистовъ, «Рабочій Міръ» долженъ былъ поставить вопросъ — является ли минимализмъ въ анархическихъ рядахъ случайнымъ явленіемъ, временнымъ уклоненіемъ отъ принциповъ со стороны представителей той или иной фракціи — Нѣтъ! Минимализмъ въ исторіи вообще и въ революціонномъ движеніи въ частности — глубокое, постоянное явленіе; чтобы его побѣдить, — необходимо знать корни этого минимализма. И *во второмъ* № «Рабочаго Міра» (см. Передъ выборами») мы указали, что «всегда въ народѣ боролись и борются двѣ стихіи — минимализмъ и максимализмъ. Не депутаты и интеллигенты минимализмъ «придумали»; онъ какъ смерть, какъ эпидемія, вѣчный спутникъ исторіи». Демократія — не внѣшнее зло; почвой для нея служитъ, народомъ же порожденный, минимализмъ. И если бы народное творчество вылилось бы только въ формѣ минимализма, то демократы-минималисты съ полнымъ правомъ могли бы считать себя единственными представителями народа. Но это не такъ. «Если народный минимализмъ — писали мы въ *третьемъ* № «Рабочаго Міра» — («На очереди») факторъ въ исторіи,—то, вѣдь, такимъ-же факторомъ, хотя менѣе очевиднымъ, является максимализмъ». Въ той же статьѣ мы пытались выяснить наше отношеніе къ демократіи, устранить цѣлый рядъ возраженій, столь часто, по недоразумѣнію, выставляемыхъ противъ максимализма. Для насъ важно было указать и на то, что нашъ максимализмъ — не плодъ «голой» абстрактной революціонности; онъ порожденъ не желаньемъ «отмежеваться отъ демократіи во что-бы то ни стало». Наша максималистическая позиція имѣетъ глубокіе корни въ массѣ; она-же вытекаетъ изъ нашего пониманія сущности прогресса. Позволяемъ себѣ думать, что эти вопросы заслуживаютъ глубокаго вниманія; что «Рабочій Міръ» имѣетъ нравственное право — требовать критики *по существу*.

Увы, до сихъ поръ мы *такой* критики не встрѣтили... Не можемъ мы признать заслуживающимъ вниманія упрекъ такого рода: «Рабочій Міръ» — органъ для интеллигенціи: онъ разрабатываетъ, молъ, «интеллигентскіе вопросы». Отвѣтимъ коротко: *всѣ затронутые нами вопросы волнуютъ каждаго сознательнаго анархиста-коммуниста*. Безъ яснаго отвѣта на нихъ — нѣтъ плодотворной дѣятельности *среди массъ*. Дальше «Рабочій Міръ не является органомъ той или иной фракціи; мы полагаемъ, что вышеупомянутые вопросы тѣсно связанные съ постановкой нашей практической работы, должны обсуждаться всѣми товарищами, безъ различія фракцій.

Здѣсь мы подходимъ къ другому упреку, направленному по адресу «Рабочаго Міра».

Нѣкоторые думаютъ, что органъ *долженъ* быть *фракціоннымъ*; а то выходитъ, что «всякъ молодецъ на свой образецъ»: одинъ пишетъ за синдикализмъ, другой — противъ. Мы признавали и признаемъ цѣлесообразность существованія фракціонныхъ органовъ. Мы противъ объединенія во что бы то ни стало, разъ для такого объединенія нѣтъ достаточныхъ принципіальныхъ основаній.

Но, вѣдь, и это положеніе не должно сдѣлаться догмой. Есть такіе моменты, когда спорные вопросы могутъ съ успѣхомъ обсуждаться въ одной газетѣ. Не умно и не практично затушевывать фракціонныя разногласія тамъ, гдѣ они имѣются и гдѣ онѣ являются продуктомъ различнаго пониманія

вопросовъ теоріи и практики. Но не менѣе вредна фракціонная узость. Фракціонность въ подобныхъ случаяхъ превращается въ самоцѣль, образуется что-то въ родѣ фракціоннаго фетишизма. Такой фракціонеръ *не способенъ* стать не на фракціонную точку зрѣнія даже тогда, когда этого требуетъ *сущность обсуждаемыхъ вопросовъ*. Этотъ загипнотизированный человѣкъ проявляетъ черты, свойственныя маньяку: вызубритъ доводы Пуже — за синдикализмъ, черно-знаменцевъ — противъ синдикализма — «и веселъ Тришка мой»...

Конечно, газета, которая полагала бы, что она уничтожаетъ фракціонныя разногласія тѣмъ, что помѣщаетъ рядомъ статьи синдикалистовъ и антисиндикалистовъ, обнаружила бы непростительную наивность. Врядъ ли такая газета принесетъ много пользы; въ лучшемъ случаѣ, это былъ бы «парламентъ мнѣній» — не больше. Но совершенно иной является позиція «Рабочаго Міра»: его *нефракціонность вытекаетъ изъ самой сущности обсуждаемыхъ вопросовъ*.

«Рабочій Міръ» не просто, механически помѣщаетъ синдикалистическія и антисиндикалистическія статьи — *«Рабочій Міръ» передвинулъ*, такъ сказать, *всѣ эти спорные вопросы на иную плоскость*. «Рабочій Міръ» какъ бы спрашиваетъ: «согласны ли вы съ тѣмъ, что единственное наше реальное дѣло въ періодъ революціи — борьба за хлѣбъ и волю *всѣмъ и сейчасъ*? Какъ вы сочетаете синдикализмъ (или антисиндикализмъ) съ максимзлизмомъ? Синдикалисты, естественно, должны отвѣтить на вопросъ: считаютъ ли они возможнымъ, чтобы въ періодъ революціи уже сплотились *сильныя* профессіональныя организаціи, способныя взять въ свои руки организацію производства «на второй день» послѣ революціи.

Антисиндикалисты должны отвѣтить: въ комъ и въ чемъ они видятъ ту силу, которая могла бы не только разрушать, но и создавать, ибо безъ организаціи, способной къ созиданію, лозунгъ «соціальная революція» — только *лозунгъ*, но не реальное *дѣло*, а вѣдь именно анархо-минималисты хотѣли бы, что бы у насъ были «максималистическіе» *лозунги* и минималистическія *дѣла*.

И вотъ, какъ только обѣ «воюющія» стороны попытаются точно и отчетливо отвѣтить на эти вопросы, станетъ яснымъ, что въ *этомъ-то вопросѣ строго фракціоннаго единства нѣтъ*: могутъ разойтись во многомъ синдикалисты между собой; могутъ сойтись во взглядахъ синдикалистъ и антисиндикалистъ. (Примѣръ: тов. Александръ Ге — синдикалистъ крайній. Однако, намъ извѣстно, что въ вопросѣ объ отношеніи къ демократіи, къ минимализму онъ согласенъ съ Рощинымъ). А разъ поставленные на очереди вопросы, хотя бы только отчасти, выходятъ за предѣлы нашихъ фракціонныхъ разногласій. то всѣмъ должно быть ясно, что «Рабочій Міръ» не имѣетъ основанія печатать статьи только фракціоннаго содержанія. Но развѣ *такая* нефракціонность имѣетъ что-либо общее съ безразличнымъ совмѣщеніемъ всѣхъ направленій?

Говоря о задачахъ «Рабочаго Міра», слѣдуетъ имѣть въ виду слѣдующее: Еще въ 1-омъ № «Рабочаго Міра» было указано, что огромнымъ зломъ русскаго революціоннаго движенія вообще и анархическаго въ частности — слѣдуетъ считать «механическій» боевизмъ. Это значитъ: движеніе вовлекло въ свои ряды элементы, которые усвоили только боевую *технику*. Они были хорошими боевиками, удалыми экспропріаторами. Чуждо имъ было сознаніе о необходимости упорной, организаціоной, созидательной работы, чуждъ имъ былъ революціонный идеализмъ. Бороться съ этимъ зломъ можно двумя способами: 1) надо подчеркивать важность внутреннихъ, психологическихъ предпосылокъ, необходимыхъ для того, чтобы пролетаріатъ освободился; 2) необходима глубокая, тщательная, всесторонняя разработка вопросовъ міровоззрѣнія.

Мы видимъ заслугу Л. Н. Толстого въ томъ, что онъ — односторонне, правда — подчеркивалъ важность психологическихъ предпосылокъ освобожденія. «Рабочій Міръ» — если удастся расширить газету — дастъ рядъ статей, посвященныхъ вопросу объ объективныхъ и субъективныхъ предпосылкахъ рабочаго освобожденія. Иное дѣло — теоретическія проблемы. Для разработки ихъ необходимъ *журналъ*. «Рабочій Міръ» будетъ энергично бороться съ тѣми, которые сѣютъ развратъ и смуту: съ тѣми, которые отрицаютъ важность разработки всѣхъ проблемъ анархизма. Анархизмъ долженъ удовлетворить всѣ запросы человѣческаго духа. Врагъ теоріи — врагъ анархизма! «Рабочій Міръ» далъ (въ примѣчаніи къ статьѣ «На очереди») только *краткій* перечень стоящихъ на очереди теоретическихъ вопросовъ. «Рабочій Міръ» могъ бы мечтать о разработкѣ этихъ проблемъ въ томъ лишь случаѣ, если бы удалось увеличить газету хотя бы до размѣровъ № 1 «Бунтаря».

Но это все — дѣло будущаго.

Пока же — вопросъ о нашихъ лозунгахъ, точнѣе, практическихъ дѣйствіяхъ — *поставленъ*. Его нужно обсудить. Въ обсужденіи должны участвовать *всѣ* — безъ различія фракцій. Вовсе не необходимо, чтобы писали только наши «присяжные» литераторы. Каждый сознательный товарищъ можетъ и долженъ принять участіе въ обсужденіи этихъ вопросовъ.

Еще разъ просимъ *всѣхъ* товарищей присылать статьи. Всѣмъ гарантирована свобода, никакая фракціонная односторонность не будетъ допущена.

Да она и не нужна: односторонность только помѣшала бы «Рабочему Міру» выполнить поставленныя задачи. Эти задачи таковы:

1) Разработка вопросовъ, тѣсно связанныхъ съ нашей практической дѣятельностью въ періодъ будущей русской революціи.

2) Посильная разработка вопросовъ о внутреннихъ, психологическихъ предпосылкахъ свободы.

3) Призывъ къ всесторонней разработкѣ проблемъ идеологіи.

P. S. *Досадныя опечатки*. Мы уже указывали въ третьемъ номерѣ (въ примѣчаніи), что въ статью Рощина. помѣщенную въ первомъ номерѣ нашего листка «вкрались досадныя опечатки, порой искажающія смыслъ статьи». Достаточно указать на такія выраженія: «вышеприведенная формула...(?) расчленимъ(?), если признаемъ(?), что въ ней спутаны... два лозунга». Въ этой фразѣ наборщикъ пропустилъ слова и все перепуталъ, въ результатѣ и получилась явная безсмыслица. Объ отдѣльныхъ искаженныхъ словахъ и говорить нечего!

Мы должны извиниться передъ читателями: статья того-же автора, напечатанная въ № 3 «Рабочаго Міра» — («На очереди») также изобилуетъ досадными пропусками и опечатками.

Вотъ нѣсколько образчиковъ: *напечатано* «земля и фабрики народу — вмѣсто централизованного государства». *Слѣдуетъ читать*: «Земля и фабрики — народу; *федерація свободныхъ коммунъ* — вмѣсто централизованного государства». Напечатано: ихъ *либералъ*. Слѣдуетъ читать: ихъ *лидеръ*. Напечатано: (въ примѣчаніи) «не боясь *критики* каждаго изъ нихъ». Слѣдуетъ читать: «не боясь *критиковать* каждаго изъ нихъ». Напечатано: «мы старались устранить *препятствія*, часть неосновательныхъ возраженій». Слово «препятствія» вставлено по ошибкѣ. И т. д.

Къ теоріи революціи.

I.

Прудонъ, любившій облекать свои мысли въ форму подчасъ ошеломляющихъ парадоксовъ, утверждалъ, что ни Великая французская революція, ни революція 48-го г. не являются революціями въ подлинномъ значеніи слова. Онъ думалъ, что подъ революціею нужно подразумѣвать лишь такой переворотъ, который въ *корнѣ* видоизмѣняетъ общественныя отношенія, существовавшія *до революціи*.

Что же являлось *характерною чертою* строя, предшествовавшаго Великой Французской революціи? — Эксплуатація класса классомъ, человѣка человѣкомъ и государствомъ. Что сдѣлала революція? Произвела ли она полный переворотъ въ этихъ отношеніяхъ? Видоизмѣнила ли она кореннымъ образомъ экономическую структуру общества, превратила ли эксплуатацію въ свою противоположность, раскрѣпостила ли человѣческую личность? Нѣтъ, она лишь привела къ нѣкоторымъ перестановкамъ во взаимныхъ отношеніяхъ классовъ, видоизмѣнила форму зависимости между классами, произвела нѣкоторыя формальныя измѣненія въ соціальныхъ взаимоотношеніяхъ, оставивъ *нетронутымъ* самый принципъ классовой структуры общества и вытекающую отсюда эксплуатацію человѣка человѣкомъ, класса классомъ, оставивъ нетронутымъ принципъ государственности и вытекающую отсюда эксплуатацію воли не только отдѣльныхъ лицъ, но и цѣлыхъ классовъ.

Прудонъ вполнѣ правъ, если судить о Великой французской революціи *съ соціалистической* точки зрѣнія. Но, вѣдь, не о соціалистической революціи рѣчь шла тогда, а о буржуазной. Революцію предпринялъ классъ, который стремился не къ уничтоженію классовъ, а къ господству класса — буржуазіи. Революцію предприняла буржуазія, она подготовила ее, она руководила ею, она *прекрасно знала*, чего она хочетъ, и вполнѣ *сознательно* шла къ своей цѣли, къ своему строго опредѣленному идеалу. Соціалистическіе же элементы принимали участіе въ движеніи безъ строго опредѣленныхъ цѣлей, какъ мощная стихія, и лишь незначительное меньшинство знало, что кому нужно, въ какое русло нужно направить революцію. Это меньшинство и внесло въ революцію элементы народнаго творчества и придало ей характеръ широкаго соціальнаго движенія, дало лозунги для слѣдующей за революціей эволюціи.

Мы говоримъ тутъ о революціи съ формальной теоретической точки зрѣнія и выясняемъ лишь формальную сто

546345
52 39

рону революціи. Съ этой точки зрѣнія Великая французская революція является типомъ удачной революціи. Она наглядно показываетъ, по какой *дорогѣ* должна итти революція, въ особенности въ *разрушительной* своей части, чтобы одержать побѣду, какими средствами надо дѣйствовать, кто долженъ дѣйствовать, чтобы итти къ побѣдѣ вѣрнымъ путемъ. Что же намъ въ этомъ отношеніи показываетъ примѣръ французской революціи? Онъ показываетъ, что революція эта довела *до конца* разрушительную работу, *разрушила до основанія старый строй*, прежде чѣмъ приступить къ творчеству новаго. Все, что дѣлалось *до революціи на мѣстахъ*, въ смыслѣ творчества, имѣло своею единственною цѣлью подготовку разрушительныхъ силъ, которыя тутъ же старались подорвать основы стараго общества; а настоящее творчество началось лишь послѣ окончательнаго распада стараго строя; *тѣ же самыя разрушительныя силы стали творческими, по окончаніи разрушительной работы.* Кромѣ того, примѣръ французской революціи показываетъ, что главнымъ творцомъ всѣхъ великихъ событій этой знаменитой эпопеи былъ народъ, который создавалъ ее *непосредственно.* Этимъ и объясняется то обстоятельство, что французская революція оказала такое громадное вліяніе не только на жизнь и развитіе Франціи, но и всей Европы. Какъ реакція ни отнимала по частямъ добытые революціей результаты, какъ она не уничтожала ихъ, порою съ чисто казацкою грубостью, все:таки многое изъ того, что было добыто непосредственно революціоннымъ путемъ осталось разъ на всегда закрѣпленнымъ въ жизни.

* * *

Во французской великой революціи мы констатируемъ наличность того основного признака, который характеризуетъ движеніе, *какъ революцію.* Отличительный признакъ революціи, черта непреложно отличающая ее отъ простого возстанія противъ правительства, заключается въ двухъ параллельныхъ дѣйствіяхъ: съ одной стороны разрушеніе на мѣстахъ всего того, что составляло основу соціально-экономическихъ отношеній, дѣйствовавшихъ наканунѣ революціи, другой — полное разрушеніе власти, хотя бы временное, служившей для санкціи, для приведенія въ систему именно этихъ соціально-экономическихъ отношеній. Лишь эти параллельныя дѣйствія, въ кульминаціонномъ пунктѣ своего развитія *совпадающія и соединяющіяся* въ разрушеніи стараго порядка вещей, предшестововавшаго революціи — вотъ что характеризуетъ и создаетъ революцію. Стало быть, лишь полное паденіе стараго строя открываетъ широкій и плодотворный путь, давая свободу революціонному творчеству, какъ экономическому, такъ и политическому. Пока этотъ основной шагъ не сдѣланъ, всякая мысль о творческой соціальной работѣ съ цѣлью положить основы новому строю, есть безсмысленая, несбыточная и, пожалуй, реакціонная химера. Французская революція сдѣлала этотъ основной шагъ, и вотъ почему она, вопреки мнѣнію Прудона, есть Великая революція, встряхнувшая весь міръ своимъ полнымъ торжествомъ надъ старымъ строемъ.

Вотъ какъ характеризуетъ реакціонный историкъ Тэнъ положеніе дѣлъ во Франціи на другой день послѣ 14-го іюля: «Власть ускользнула изъ рукъ короля, но еще не попала въ руки національнаго собранія; она валяется на землѣ — въ рукахъ разбушевавшагося народа, возбужденной и дѣйствуюшей насиліемъ улицы, подбиравшей ее, какъ покинутое среди поля оружіе. — Правительства на самомъ дѣлѣ не существовало, весь внутренній общественный укладъ летѣлъ въ пропасть; общество возвращалось къ первобытному состоянію, это не была революція, а разложеніе». Въ этихъ словахъ, полныхъ злобы и ненависти противъ революціи, кроется мысль громадной важности. «Это была не революція, а разложеніе», т. е., на нашъ языкъ, это была революція, разложившая старый строй на составныя части и тѣмъ показавшая наглядно всѣ язвы стараго общества, всѣ элементы его составлявшіе, какъ здоровые, такъ и больные, какъ то, что подлежало безусловному коренному уничтоженію, такъ и то, что еще могло пригодиться, какъ сырой матеріалъ, для строительства будущаго.

Власть ускользнула изъ рукъ короля, но пока еще не попала въ руки національнаго собранія, «она валяется на землѣ», правительства на самомъ дѣлѣ не существовало. Вотъ великій моментъ, котораго лишь подлинно великія революціи и могутъ создать: Моментъ *безвластія*, моментъ политической и юридической «аморфности». Въ такіе моменты безвластія часы — года, а недѣли — столѣтія, — до такой степени сильно, интенсивно живетъ тогда народъ. Руки развязаны — твори. Это — короткія минуты, когда вся народная душа выливается наружу, нѣтъ жизни семейной, частной; есть жизнь улицы, толпы, массы, жизнь общая и общаго творчества. Эти моменты отсутствія опредѣленкыхъ юридическихъ и политическихъ формъ и называлъ аморфнымъ состояніемъ общества великій проповѣдникъ творческаго разрушенія — Бакунинъ. Это и есть то разрушеніе, которое кладетъ начало новому творчеству.

Такимъ образомъ, 14-го іюля старому строю нанесенъ ударъ, отъ котораго онъ больше не оправится. Къ тому же 14-ое іюля создаетъ такое положеніе, при которомъ революція можетъ разворачиваться все шире и шире, можетъ повторять свои удары противъ стараго строя, все усиливая и усиливая ихъ. На самомъ дѣлѣ мы видимъ, что послѣ 14-го іюля не революція держится въ отношеніи стараго строя оборонительнаго положенія, а, наоборотъ, этотъ послѣдній обороняется отъ ударовъ революціи. Разрушеніе власти, господство народа, *подготовленное* тремя стами бунтовъ, постояннымъ, упорнымъ и продолжительнымъ подтачиваніемъ всѣхъ основъ до-революціоннаго строя, главнымъ образомъ на мѣстахъ, но поднимаясь упорно *снизу вверхъ* — къ центру, получаетъ, какъ мы видѣли, первую блестящую санкцію 14-го іюля разрушеніемъ Бастиліи, которая считалась высшимъ выраженіемъ, эмблемой стараго строя. Создателемъ этого великаго дня является народъ, представляемый Тэномъ въ слѣдующемъ видѣ: «Это толпа, сотни, тысячи, десятки тысячъ индивидуумовъ, случайно собравшихся, увлеченныхъ эмоціей, тревогой и ставшихъ затѣмъ повелителями, законодателями и палачами. Это мощная стихія, *не признающая надъ собою никакого авторитета*, сила, которая рядомъ съ своею матерью-свободой возсѣдаетъ на порогѣ революціи подобно двумъ привидѣніямъ Мильтона у воротъ ада». Опять слова, полныя злобы и ненависти къ революціи, но зато, какъ ясно, какъ картинно описывается, кто именно творитъ революцію.

Но это не все, революція и этимъ не довольствуется и смѣло продолжаетъ до крайнихъ предѣловъ дѣло разрушенія, которое достигаетъ кульминаціоннаго пункта въ ночь на 6-ое октября, когда революція пріобрѣтаетъ силу надъ всей *системой* стараго строя, и 10-го августа, когда крушеніе стараго строя завершается. Прибѣгаю опять къ свидѣтельству Тэна. «Вотъ оно, говоритъ онъ, это новое братство! *Похоронная процессія всѣхъ законныхъ властей*, торжество звѣрства надъ разумомъ, карнавалъ политическихъ убійцъ, тріумфальный выходъ Куртиля, предшествуемаго эмблемами смерти, *увлекающаго за собою главу Франціи — короля, министровъ, депутатовъ* съ тѣмъ, чтобы заставить ихъ править по своему произволу, *чтобы держать ихъ подъ своей пикой*, пока ему не заблагоразсудится съ ними покончить».

Крушеніе всѣхъ авторитетовъ, торжество народа, которое онъ считаетъ торжествомъ звѣрства — вотъ что приводитъ въ ярость Тэна.

Съ низовъ поднялась грозная волна, достигла центра и снесла его! Это паденіе, уничтоженіе центра, связывающаго соціально-экономическія отношенія въ одну цѣльную систему, потому и является кульминаціоннымъ пунктомъ революціи, что оно создается упорной борьбой на мѣстахъ, которая, подтачивая всѣ основы существующаго строя во всѣхъ его частяхъ и проявленіяхъ, приводитъ, наконецъ, не къ его частичному разрушенію или видоизмѣненію, а къ его полному разложенію, распаденію на составные элементы, изъ которыхъ революціонное творчество беретъ лишь то, что еще сохранило жизнеспособность и можетъ пригодиться въ качествѣ сырого матеріала въ строительствѣ новаго.

Выше было указано, что революція создается двумя параллельными дѣйствіями, съ одной стороны разрушеніемъ на мѣстахъ всего того, что составляло основу соціально-политическихъ отношеній, дѣйствовавшихъ наканунѣ революціи, а съ другой — полнымъ, хотя бы временнымъ, разрушеніемъ власти, служившей для оформленія и приведенія въ систему какъ разъ тѣхъ соціально-экономическихъ отношеній, которыя были разрушены координированной борьбою на мѣстахъ. Сознательная, упорная борьба на мѣстахъ, стало быть, только тогда и имѣетъ обще-революціонное историческое значеніе, когда, завершая разрушительную работу на мѣстахъ, направляется къ центру, къ власти, къ связывающему звену отрицательныхъ соціально-экономическихъ отношеній, съ цѣлью его ниспроверженія.

Мы не потому такъ упорно настаиваемъ на необходимости разрушенія власти, представляемаго нами первымъ и основнымъ шагомъ революціи, что мы будто бы смотримъ на государство, какъ на самодовлѣющую, независимую метафизическую сущность, какъ это утверждаютъ нѣкоторые наши критики, къ сожалѣнію, превратившіе критику въ зубоскальство, а потому, что власть, государственную машину считаемъ силою, приводящей въ систему тѣ соціально-экономическія отношенія, разрушеніе которыхъ является первымъ основнымъ объектомъ революціи. Безъ предварительнаго, безъ полнаго, хотя бы временнаго, разрушенія власти можно осуществить частичныя улучшенія, реформы, не противорѣчащія *сущности* существующаго строя, но ни въ коемъ случаѣ нельзя добиться коренного переворота — замѣны стараго новымъ.

Итакъ, революціонное творчество, какъ экономическое, такъ и политическое, требуетъ предварительнаго коренного разрушенія предшествующаго революціи строя и полнаго, хотя бы временнаго, разрушенія власти. Лишь послѣ этого основного шага можно начать ту творческую работу, которая положитъ начало новому строю.

«Духъ разрушенія есть въ то же время созидающій духъ», потому что сознательный революціонный разрушитель знаетъ, что предварительное разрущеніе стараго есть необходимое условіе для творчества новаго.

Всякая подлинно великая революція описываетъ параболу *отъ разрушенія къ творчеству*. Вся творческая работа дореволюціоннаго періода сводится къ тому, чтобы подготовить силы, способныя съ одной стороны довести дѣло разрушенія *до конца*, а съ другой — извлечь изъ «аморфной» массы, въ которую приведено общество разрушеніемъ, все годное и цѣнное для строительства будущаго.

К. Оргеіани.

ОБЗОРЪ РЕВОЛЮЦІОННАГО ДВИЖЕНІЯ.

Контора для пріема ренегатовъ.

Часто въ движеніи приходилось и понынѣ приходится встрѣчаться съ людьми, которые говорятъ: на что всѣ эти ярлыки, вѣдь, намъ не слово важно, а дѣло; будемъ работать, дѣйствовать, а тамъ жизнь сама опредѣлитъ характеръ нашей дѣятельности, и, будьте спокойны, позаботится и о томъ, чтобы найти для насъ подходящую кличку. Къ тому же это слово анархія однихъ пугаетъ, а другихъ связываетъ, включаетъ ужъ въ очень узкія рамки. Зачѣмъ связывать жизнь разными теоріями, оча слишкомъ широка, чтобы можно было вмѣстить ее въ какую бы то ни было, теорію, даже самую широкую. Съ перваго раза разсужденіе это кажется логичнымъ, правильнымъ, даже пріемлемымъ; но бѣда въ томъ, что та самая жизнь, къ которой взываютъ такъ разсуждающіе люди, самымъ жестокимъ образомъ опровергаетъ ихъ, показывая на фактахъ, на дѣлѣ, что большею частью ихъ «логика», сплетенная изъ ряда хорошо подобранныхъ софизмовъ, прикрываетъ грубую фальшь, сдобренную большою порціею лицемѣрія. Изъ рядовъ этихъ «широкихъ» людей, не желающихъ связывать себя ярлыками, не желающихъ ограничивать жизнь «узкими рамками теоріи», протестующихъ противъ теоріи во имя «дѣла», кричащихъ благимъ матомъ съ задорной дѣловитостью противъ «любовниковъ» идеала, якобы занятыхъ «лишь созерцаніемъ своего собственнаго пупа» и «разрѣзываніемъ волоска на четыре части» и выходятъ ренегаты. Такіе безличные соціалисты и полу-анархисты въ маскахъ, стремящіеся поднять рабочихъ не до уровня сознательнаго анархиста, а, наоборотъ, спустить анархиста до уровня безличныхъ соціалистовъ, вольныхъ и невольныхъ, шаткихъ въ мысляхъ и въ дѣйствіи, появляются и у насъ, но не о нихъ тутъ рѣчь. Наше положеніе мы будемъ иллюстрировать фактами, взятыми изъ Французскаго революціоннаго движенія.

Вокругъ стяжавшей себѣ немалую извѣстность газеты «Guèrre Sociale» мы имѣли цѣлую группу такихъ «дѣловитыхъ» людей, которые, во имя «дѣла» и въ качествѣ протестантовъ противъ «идеологовъ»-теоретиковъ, и объединились вокругъ этой газеты; они упорно отказывались наклеить на себя опредѣленный ярлыкъ, строго ограничить себя принципами и тѣмъ окончательно сжечь за собою корабли. Эти «Эрвеистскіе молодцы» по «стойкости» своихъ принциповъ ни въ чемъ не уступаютъ «гучковскимъ молодцамъ». Какъ тѣ, такъ и другіе очень много толковали и толкуютъ еще о своей «работоспособности» и практичности и во имя этой работоспособности и практичности барахтаются въ самомъ пошломъ, въ самомъ циничномъ и разнузданномъ ренегатствѣ. Семилѣтняя дѣятельность «Guèrre Sociale» закончилась, какъ и предвидѣли многіе изъ насъ тѣмъ, что люди «дѣла», сгруппировавшіеся вокругъ этой газеты сбросили, наконецъ, маску и — что верхъ цинизма — во имя этой дѣловитости открыли контору для пріема и записи ренегатовъ въ объединенную соціалистическую партію.

Растакуеры всякихъ сортовъ и масштабовъ, будущіе шахеръ-махеры, не нашедшіе въ анархизмѣ мѣста для примѣненія своихъ талантовъ; эстеты и поэты безъ эстетики и безъ рифмы, голодные, искавшіе въ соціализмѣ вкусно ожаренныхъ перепеловъ и нашедшіе въ анархической дѣйствительности лишь суровую борьбу за идеалъ, голодъ и рискъ правительственныхъ гоненій; бездѣльники, стремившіеся пристроиться и къ ужасу своему открывшіе, что, оставаясь анархистомъ, нельзя создать себѣ карьеру; жаждавшіе славы и извѣстности и убѣдившіеся на дѣлѣ, что анархисту трудно, слишкомъ трудно создать себѣ славу, ибо его идеалъ крайне жестоко возстаетъ противъ всего сущаго, ибо рѣзка и неумолима его критика, распространяющаяся на всѣ «святая святыхъ» существующаго режима; «Робеспьеры въ туфляхъ», «безславные Мараты», евнухи революціи и, наконецъ, рать голодная, которую анархизмъ не можетъ кормить, уходятъ черезъ контору «Guèrre Sociale» въ соціалистическую партію. Скатертью дорога! Тамъ всѣ они найдутъ теплый пріютъ, тамъ счастье и близко и возможно, тамъ не приходится жертвовать настоящимъ во имя невѣдомаго будущаго, тамъ взращиваются Бріаны, Вивіани, Мильераны, Девили, Оганьеры и т. д. и т. д.

Не помню, кто сказалъ, кажется Гюго: chacun de nous est un futur grand homme (каждый изъ насъ будущій великій человѣкъ). Почему же не помечтать сладко, въ особенности когда не всякое мечтаніе есть «безсмысленное мечтамечтаніе». Еще разъ скатертью дорога! Спасибо вамъ, господа, что освѣжили атмосферу и показали на дѣлѣ, гдѣ вамъ, подобнымъ элементамъ, настоящее мѣсто.

Попытка расхищенія анархистскихъ силъ.

«Въ нашу эпоху, говоритъ Ж. Гравъ, крайне невыгодно торговать идеаломъ». Печальная истина! На самомъ дѣлѣ, спросъ на идеалъ значительно уменьшился за послѣднее время; публика стала падка на сенсаціи, на спогсшибательныя фразы, на внѣшнюю рѣзкость, на внѣшнюю революціонность при внутреннемъ убожествѣ и идейной скудости. Кажется «американизмъ» овладѣваетъ міромъ. Практическій, воодушевляющій идеализмъ отодвигается на задній планъ все растущимъ «американизмомъ», а это, естественно, должно было выразиться въ борьбѣ съ тѣмъ теченіемъ мысли, которое является наиболѣе явнымъ и неумолимымъ врагомъ «американизма»; и на самомъ дѣлѣ, за послѣдніе 10—12 лѣтъ все было сдѣлано, чтобы анархизму нанести смертельный ударъ. Кое гдѣ безсознательно, сами анархисты наносили себѣ эти удары. Анархисты даютъ, ничего не беря себѣ взамѣнъ, щедро расточаютъ свои силы, «отдаютъ и одалживаютъ безъ всякой гарантіи» свою энергію на всякія «революціонныя предпріятія». Это великодушно, и жестъ очень красивъ, но поступать такъ не всегда цѣлесообразно. Все можно дать, всѣмъ можно дѣлиться, но изъ принципа, изъ самаго анархизма урвать ничего нельзя, нельзя двоить или троить его, нельзя сказать: это я дѣлаю, какъ анархистъ, а это не какъ анархистъ; анархизмъ раздвоенный, анархизмъ раздѣленный уже не анархизмъ. Онъ есть или его нѣтъ, и тотъ, кто его носитъ въ сознаніи своемъ, долженъ носить его цѣликомъ и въ жизнь вмѣшиваться, лишь въ случаѣ увѣренности, что цѣльности міровоззрѣнія никогда не утеряешь; иначе лучше отказаться отъ отвѣтственности, которую налагаетъ на каждаго изъ насъ признаніе опредѣленнаго міровоззрѣнія, и довольствоваться «житейской наукой». Расточать энергію, даже съ нѣкоторымъ удальствомъ, можно, но при условіи не жертвовать сущностью формѣ, не взращивать дитя, которое съѣстъ родную мать. Пока дитя родную мать не съѣло, оно ее, положемъ, никогда и не съѣстъ, но поползновеніе на это кощунство было. Въ чемъ оно выразилось? Выразилось оно въ безоглядномъ увлеченіи тѣмъ революціоннымъ профессіональнымъ движеніемъ, развитію котораго анархисты такъ много сами содѣйствовали, въ чемъ, конечно, я, сторонникъ этого движенія, упрекать ихъ не намѣренъ; я ихъ упрекаю лишь въ томъ, что въ этомъ увлеченіи они *одно время* зашли такъ далеко, что, казалось, совсѣмъ забыли анархизмъ. Но объ этомъ мы когда нибудь поговоримъ особо. Тутъ мы остановимся на болѣе непосредственной попыткѣ хищенія анархистскихъ силъ.

Первый походъ противъ анархизма, послѣ распаденія Интернаціонала, имѣлъ мѣсто на международныхъ соціалистическихъ съѣздахъ. Анархисты, какъ мы знаемъ, не думали, не стремились къ тому, чтобы ихъ доктрина восторжествовала на этихъ съѣздахъ, они прекрасно знали, что это было невозможно. Они стремились лишь къ тому, чтобы съѣзды эти оставались безфракціонными, что дало бы имъ возможность остаться членами съѣздовъ, не отказываясь отъ своихъ принциповъ. Это могло бы осуществиться, еслибы съѣзды эти признали себя общими съѣздами всѣхъ соціалистовъ безъ различія фракцій, не возводящими въ общеобязателяную дог-

му частную доктрину одной изъ нихъ. Извѣстно, что съѣзды эти превратились въ соціалъ-*демократическіе* съѣзды и объявили обязательнымъ для всякаго соціалиста парламентскую сутолоку и стремленіе къ захвату власти. Такимъ образомъ, для анархистовъ и антипарламентаристовъ двери этихъ съѣздовъ оказались закрытыми. Это была открытая борьба; анархисты оказались побѣжденными, можетъ быть, потеряли десятка два товарищей и полу-товарищей антипарламентаристовъ и только. Но за то это обстоятельство развязало имъ руки, — выигрышъ значительно покрывалъ проигрышъ.

Второй походъ начинается въ 1886 году, когда анархисты, окончательно отдѣлившіеся отъ соціалъ *демократіи*, устремились въ профессіональные союзы, гдѣ та безфракціонность, которую они хотѣли внести въ соціалъ-*демократическіе* съѣзды, давно торжествовала, благодаря, главнымъ образомъ, ихъ усиліямъ, чтобы внести въ эти чисто рабочія организаціи то, чего имъ не удалось привить къ соціалъ-*демократическимъ* организаціямъ; а именно, идею всеобщей стачки, непосредственнаго дѣйствія и революціонный духъ. Тутъ ихъ работа оказалась куда производительнѣе. И вотъ, когда анархисты стали пріобрѣтать вліяніе въ рабочихъ организаціяхъ, когда эти чисто рабочія организаціи стали оказывать имъ довѣріе, какъ людямъ, не ищущимъ въ рабочемъ движеніи ни карьеры, ни депутатскихъ креселъ, и, слѣдовательно, не могущихъ завести рабочія организаціи въ политиканскія дебри; когда они, наконецъ, доказали, что можно быть, по выраженію нынѣ ренегатствующаго нео-марксиста Сореля, практичнымъ человѣкомъ, оставаясь цѣльнымъ революціонеромъ, тогда начинается походъ противъ анархистовъ съ разныхъ сторонъ. Одни начинаютъ курить фиміамъ ихъ бунтовскому духу, поютъ гимны ихъ революціонности, ихъ безкорыстной преданности рабочему дѣлу, ихъ высокому идеализму, — комплименты, къ которымъ анархисты горько сознаться въ этомъ — не сумѣли отнестись достаточно холодно. Другіе стараются умалчивать ихъ значеніе во всемъ, въ томъ числѣ и ихъ работу за послѣдніе 20—25 лѣтъ въ профессіональныхъ организаціяхъ и тайными способами стараются нанести имъ смертельный ударъ въ спину; нѣкоторые, какъ напримѣръ, Э. Бертъ, еще одинъ ренегатъ нео-марксизма, сподвижникъ Лагарделя и послѣдователь Сореля, старался свести на нѣтъ весь анархизмъ, что не мѣшало ему грабить самымъ безстыднымъ образомъ анархистовъ.

Третьи, наконецъ, эрвэисты, поступили иначе, умнѣе, ехиднѣе. Они знали слабыя стороны анархистовъ, тѣмъ болѣе, что они заблаговременно привлекли на свою сторону нѣсколько человѣкъ полу-аллеманистовъ, полу-анархистовъ, которые якшались съ анархистами, порою пописывали въ анархическихъ газетахъ, напр., въ Le Libertaire, когда эта газета была еще эклектической революціонной газетой. Они хорошо знали, за какія слабыя струнки анархистовъ, нужно было дернуть, чтобы онѣ отвѣтно зазвучали. Знали ихъ удаль въ борьбѣ, ихъ безстрашіе передъ судьями и полиціей, ихъ готовность бороться противъ всѣхъ формъ буржуазнаго насилія, готовность къ рѣзкимъ выступленіямъ, при отсутствіи страха передъ грозящимъ наказаніемъ; они знали, что отъ анархистовъ можно брать, ничего не давая взамѣнъ. Вотъ и нужно было подзадорить ихъ, разжечь ихъ боевыя страсти, а потомъ... поэксплуатировать.

И вотъ основывается «Guèrre Sociale», при *самомъ активномъ* содѣйствіи этихъ беззаботныхъ людей, беззаботно отдающихъ свои силы революціонной агитаціи, революціоннымъ выступленіямъ, всякимъ революціоннымъ начинаніямъ, которыя имъ кажутся искренними. Посыпались процессы противъ антимилитаристовъ, антипатріотовъ и участниковъ буйныхъ манифестацій. Эрве и его «молодцы» тоже не щадили себя, но съ увѣренностью можно сказать, что среди постарадавшихъ во время этого прямо великолѣпнаго похода противъ арміи, полиціи, суда и разныхъ гнусныхъ предпріятій третьей республики на 100 осужденныхъ было, по крайней мѣрѣ, 80 анархистовъ

«Guèrre Sociale» гремѣла и росла на спинахъ анархистовъ. Но всему есть конецъ. И вотъ, когда наиболѣе «буйные» элементы разсѣлись по разнымъ тюрьмамъ и призадумались, они замѣтили, что слишкомъ далеко завлекли другъ друга. Эрве къ ужасу своему замѣтилъ, что во время разгара борьбы анархисты, какъ то незамѣтно, заставили его черезчуръ рѣзко отмежеваться отъ господъ парламентаріевъ, а такой рѣзкій разрывъ не входилъ въ планъ предусмотрительнаго Эрве. Анархисты, въ свою очередь, замѣтили, что слишкомъ много жертвъ понесли: еслибы, разсуждали они, эти жертвы шли на пользу *общаго дѣла*, еслибы отъ понесенныхъ жертвъ выиграло бы обще-революціонное движеніе, то это было бы прекрасно, это есть наше дѣло — все отдавать движенію, но бѣда въ томъ, что 80% нашихъ усилій ушло на *частное дѣло*, — «Guèrre Sociale» разжирѣла. Естественно, заговорили о «компенсаціяхъ». Компенсаціи? Отчего же можно, вотъ основаемъ «Революціонную Партію». Тутъ анархисты широко раскрыли глаза. Основать «Революціонную Партію» это не то, что посидѣть въ тюрьмѣ годикъ-другой за революціонныя выступленія. Это дѣло посложнѣе. Тутъ нужны серьезныя гарантіи. Эрве даютъ понять, что прежде всего ему нужно выйти изъ соціалъ-демократической партіи и тѣмъ окончательно сжечь за собой корабли. Сжечь корабли! Легко сказать, а вдругъ они понадобятся для обратнаго путешествія? Корабли сжечь отказались. Тогда амьенская анархическая газета, самая крупная и старая провинціальная газета, не мало содѣйствовавшая успѣху «Guèrre Sociale» въ провинціи, сдѣлала слѣдующее предложеніе: начнемъ, говорила газета, съ критической части той платформы, которая должна лечь въ основаніе «Революціонной Партіи». По нашему, партія должна быть антикапиталистической, антигосударственной, антипарламентской, антимилитаристской; что же касается формъ организаціи, то и помину не должно быть ни о какой централизаціи: полная автономія группъ, но согласованное дѣйствіе для *опредѣленныхъ цѣлей*. Примемъ пока эту платформу, а объ остальномъ поговоримъ потомъ.

Гравъ же въ «Les Temps Nouveaux», по поводу предложенія Эрве, огрызнулся весьма негалантно и рѣзко заговорилъ о новой формѣ политиканства. Тутъ у Эрве и его сподвижниковъ зарябило въ глазахъ. Положительно, рѣшилъ онъ, анархисты не хотятъ слѣдовать моему примѣру! Не хотятъ *плевать на принципы*. Черти окаянные! Полъ-оборота направо! — скомандовалъ онъ. И съ этого момента «Guèrre Sociale» начинаетъ мѣнять свою личину. Революціонная партія сорвалась, такъ какъ выяснилось, что казарменный духъ трудно привить анархистамъ. Тогда на сцену выдвигается новый проектъ въ той же «Guèrre Social», но уже не въ формѣ «Революціонной Партіи», а «Революціоннаго Соглашенія» (Entente révolutionnaire).

Во главѣ новаго предпріятія стоитъ не Эрве, а Шарль Альберъ, человѣкъ серьезный, не безъ образованія, очень недурной публицистъ, долго боровшійся въ рядахъ анархистовъ, бывшій долгіе годы постояннымъ сотрудникомъ газеты «Les Temps Nouveaux», единственный человѣкъ, о потерѣ котораго всѣ анархисты крайне сожалѣютъ. Выступленіе его носило чисто принципіальный характеръ. Онъ пытался доказать, что такъ какъ анархизмъ не можетъ быть тѣмъ идеаломъ, къ осуществленію котораго можно непосредственно стремиться въ ближайшемъ будущемъ, то нужно установить компромисный идеалъ; этимъ компромиснымъ идеаломъ, по его мнѣнію, можетъ быть коллективизмъ, умѣренный широкимъ коммунализмомъ. Нельзя, говоритъ онъ, декретировать вмѣстѣ съ анархистами полное разрушеніе государства, но нельзя не признать, что необходимо уменьшить компетенцію государства, что оно должно быть сведено къ коммунализму. Альберъ оставаясь антипарламентаристомъ, предлагалъ, чтобы «Революціонное Соглашеніе» было нейтральнымъ во время выборовъ и парламентарнымъ вообще. Эти ограниченія вводились только для анархистовъ, для соціалъ-демократовъ такихъ ограниченій не вводилось, а только давался благій совѣтъ, чтобы они не посвящали всѣ свои силы исключительно апарламентской дѣятельности. Указывалось, между прочимъ, на то, что подобныя же ограниченія существуютъ, напримѣръ, въ синдикатахъ, и анархисты, молъ, не отказываются участвовать въ нихъ. Совершенно вѣрно. Ограниченія эти существуютъ въ синдикатахъ, но тамъ эти ограниченія касаются лишь *самой организаціи*, а личности вполнѣ свободны вести свою пропаганду внѣ синдикатовъ, какъ хотятъ; и на самомъ дѣлѣ, многіе изъ революціонныхъ синдикалистовъ, даже такіе, которые занимаютъ отвѣтственныя мѣста въ синдикалистскихъ организаціяхъ, широко пользовались этимъ правомъ и принимали дѣятельное участіе въ абстенціонистской пропагандѣ во время выборовъ и состояли членами противо-парламентскихъ группъ; мало того, въ самихъ синдикатахъ личная идейная пропаганда вполнѣ свободна. Проектъ Ш. Альбера, кромѣ того, что онъ касался существенно самыхъ основъ анархическаго міровоззрѣнія, связывалъ руки анархистамъ, какъ внутри самой организаціи, такъ и внѣ ея. Вотъ почему его предложеніе встрѣтило среди анархистовъ крайне суровый пріемъ. Его призывъ остался гласомъ вопіющимъ въ пустынѣ. Самъ онъ войти въ с.-д. партію не захотѣлъ, такъ что совсѣмъ остался на бобахъ: старыхъ друзей потерялъ, а новыхъ не пріобрѣлъ.

Видя, что и этотъ проектъ расхищенія анархическихъ силъ не удался, Эрве на этотъ разъ скомандовалъ: кругомъ маршъ — и вернулся аки песъ къ блевотинѣ своей.

Такова естественно должна быть судьба всякаго движенія, всякаго революціоннаго предпріятія, которыя будутъ жертвовать сущностью формѣ, будутъ основывать свое дѣло исключительно на внѣшней революціонности, при внутреннемъ убожествѣ и идейной скудости.

Агитація противъ войны. Базельскій и Парижскій съѣзды. 24-хъ часовая всеобщая стачка, 16 декабря 1912 г.

Война на Балканахъ и, въ особенности, опасность международной войны вызвала довольно сильную агитацію. Къ со-

жалѣнію, тутъ не все обстоитъ благополучно. Революціонныя силы дѣйствовали вразбродъ. Утѣшительно, однакожъ, то, что всѣхъ объединяло одно общее чувство — ненависть къ войнѣ. Митинги, организованные анархистами, соціалистами, синдикалистами чередовались одинъ за другимъ, одинъ удачнѣе другого. Митингъ Федерацій анархистовъ-коммунистовъ, завершился арестомъ секретаря Федераціи, а также было возбуждено слѣдствіе противъ одного изъ ораторовъ Федераціи; оба подверглись преслѣдованію за слишкомъ ясный совѣтъ, какъ помѣшать мобилизаціи арміи. Было возбуждено преслѣдованіе противъ нѣкоторыхъ анархическихъ изданій, такъ наприм. Le Mouvement Anarchiste конфискованъ, и секретарь редакціи преданъ суду все за тѣ же ясные совѣты, какъ помѣшать мобилизаціи. Были митинги въ Вѣнѣ (30 тыс. человѣкъ), въ Берлинѣ (200 т. чел.). Во Франціи первая крупная манифестація, слѣдовавшая за митингами была организована соціалистической партіей въ Pré-Saint-Gervais, грандіозная, полная энтузіазма, въ которомъ принимали участіе разнородные элементы, — соціалисты, синдикалисты, анархисты. Федерація анархистовъ-коммунистовъ принимала участіе въ этой манифестаціи цѣликомъ. «Но я не думаю, говоритъ Пуже, что отъ этого автономія Федераціи анархистовъ-коммунистовъ пострадала». Конечно, нѣтъ. Есть вещи, которыя стоятъ внѣ чисто-партійной компетенціи, есть вещи, которыя въ одинаковой степени *должны* интересовать всѣхъ, какъ есть выступленія, которыя ни въ коемъ случаѣ не должны быть оставлены въ рукахъ лишь однихъ умѣренныхъ элементовъ, наоборотъ, нужно своимъ вмѣшательствомъ придать имъ болѣе опредѣленный характеръ, и анархисты прекрасно сдѣлали, что присоединились къ этой манифестаціи; прекрасно поступили и тѣ синдикалисты, которые помимо рѣшенія «центра», присоединились къ манифестаціи. Кто хорохорошо усвоилъ принципъ автономіи, кто глубоко проникся имъ и умѣетъ ставить его на принципіальной почвѣ, кто умѣетъ владѣть имъ и пользоваться имъ, тотъ никогда не будетъ бояться потерять его въ тѣ рѣдкіе случаи, когда дѣло, выходящее изъ партійной компетенціи, требуетъ общаго усилія всѣхъ революціонеровъ. Въ такихъ случаяхъ совмѣстное выступленіе осуществляется безъ всякихъ письменныхъ договоровъ. Французская Конфедерація Труда не такъ понимаетъ вопросъ автономіи. Она отказалась участвовать въ манифестаціи въ Pré-Saint-Gevais подъ тѣмъ предлогомъ, что съѣзды Конфедераціи неоднократно указывали, что Конфедерація есть организація автономная, дѣйствующая автономно же, а потому *она не можетъ вступать въ союзъ ни съ какими политическими партіями. Конечно, не можетъ вступить въ союзъ, конечно, не должна входить въ союзъ и прекрасно дѣлаетъ, что отвергаетъ всякіе союзы въ политическими партіями.* Если бы рѣчь шла о союзѣ съ политическими партіями, *мы возстали бы всей нашей силой противъ такого грубаго нарушенія основного организаціоннаго принципа Конфедераціи Труда.*

Но въ данномъ случаѣ рѣчь шла не о союзахъ, не о соглашеніяхъ, не о договорахъ, а просто о приглашеніи всей рабочей массы участвовать въ демонстраціи противъ войны. Участвовать можно было въ качествѣ автономной единицы, со своимъ знаменемъ. Если бы Конфедерація присоединилась къ этой демонстраціи, получилось бы нѣчто грандіозное, можетъ быть, болѣе грандіозное, чѣмъ манифестація, имѣвшая мѣсто во время похоронъ Луизы Мишель или недавняя манифестаціь по поводу Арну. Вотъ почему рѣшеніе конфедераціи крайне холодно было принято въ революціонныхъ кругахъ. Даже анархисты, всегда готовые встать насторону Конфедераціи Труда при всякомъ спорѣ съ соціалъ-демократами, на этотъ разъ осудили поведеніе Конфедераціи. *) На самомъ дѣлѣ протестъ противъ войны не является исключительнымъ достояніемъ какой нибудь партіи, онъ не есть политическая манифестація въ собственномъ смыслѣ слова и участіе политическихъ партій въ протестѣ противъ войны не должно охладить насъ, не должно уменьшить наше рвеніе бороться противъ этого ужаснаго зла. Къ счастью, манифестація не пострадала, она вышла грандіозной, какъ выше было указано, и это все, что нужно.

Поведеніе Конфедераціи можно, если не совсѣмъ оправдать, то, по крайней мѣрѣ, извинить. Когда заговорили о томъ, что необходимо серьезно организовать протестъ противъ войны, что этому протесту нужно придать по возможности международный характеръ, Конфедерація естественно рѣшила обратиться къ *родственнымъ* по характеру организаціямъ. Она и обратилась съ соотвѣтствующимъ предложеніемъ къ нѣмецкимъ и австрійскимъ профессіональнымъ союзамъ и получила отъ нихъ слѣдующій поразительный отвѣтъ: протесты противъ войны это политическая демонстрація и, слѣдовательно, однѣ рабочіе организаціи не могутъ

*) См. «Les Temps Nouveaux», № 30 1912 г,

взять на себя инициативу подобнаго выступленія. Вотъ тебѣ и на! А когда прійдется платить за разбитые горшки, тогда австрійскіе и нѣмецкіе рабочіе увидятъ, что послѣдствія войны слишкомъ тяжелымъ ярмомъ ложатся на шею рабочихъ, именно на шею рабочихъ, главнымъ образомъ, и, слѣдовательно, война, по своимъ послѣдствіямъ, не есть чисто политическое явленіе.

Такъ или иначе выходило, что Конфедераціи что-то *навязывали* насильно, а это кого угодно обидитъ, обидѣло это и Конфедерацію. Силой навязанная и свобода перестаетъ быть свободой. Вотъ почему Конфедерація предпочла выступить самостоятельно. Отсюда *два съѣзда* — Базельскій соціалъ-*демократическій* и Парижскій съѣздъ Конфедераціи Труда (24-25 ноября); первый — международный, второй — національный. На Базельскомъ съѣздѣ 600 делегатовъ представляли около 23 народностей, на Парижскомъ было представлено *больше* 1000 организацій, всѣ французскія. Первый съѣздъ отличался большою пышностью, большимъ показнымъ величіемъ, носилъ, если позволено будетъ такъ выразиться, болѣе рекламный характеръ. Соціаль-*демократія* выставила всѣ свои лучшія силы, всѣхъ своихъ лучшихъ ораторовъ. Одни Бебель и Жоресъ чего стоятъ для привлеченія публики. Было произнесено много блестящихъ рѣчей. Лиризмъ Жореса способенъ вызвать слезы дяже у «телятъ». Съѣздъ закончился грандіознымъ митингомъ, гдѣ 30-тысячная толпа, собравшаяся частью въ Базельскомъ соборѣ, частью вокругъ нѣсколькихъ импровизированныхъ трибунъ, энергично апплодировала скорѣе ораторскому искусству, блестящему умѣнію владѣть толпою, чѣмъ мыслямъ и идеямъ ораторовъ. Нѣтъ сомнѣнія, что базельское кантонное *правительство*, которое такъ радушно приняло конгрессистовъ, и приняло черезъ своихъ представителей посильное участіе въ съѣздѣ, палецъ о палецъ не ударитъ, чтобы помѣшать войнѣ, не только своей шкурой, но даже своимъ мѣстомъ не рискнетъ, почему же въ такихъ, ни къ чему не обязывающихъ обстоятельствахъ, не сказать нѣсколько напыщенныхъ фразъ противъ войны? Благо — ничего не стоитъ. Базельскій конгрессъ — это буржуазный пацифизмъ, въ лучшемъ смыслѣ слова, искренній, не милюковскій, пацифизмъ. Конгрессъ принялъ резолюцію, воспроизводить ее я не буду, да и не къ чему, это стереотипная соціалъ-*демократическая* резолюція, въ которой никакія *опредѣленныя* мѣры не предлагаются ни противъ войны, ни противъ мобилизаціи.

Парижскій съѣздъ синдикалистовъ имѣетъ, по моему, болѣе существенное значеніе, *потому что онъ является непосредственнымъ выраженіемъ чувствъ и стремленій народныхъ массъ.* Онъ не пышенъ, простъ, блестящихъ ораторовъ на съѣздѣ не видать; тутъ народъ все простой, безыскусственный, блестящихъ рѣчей также не было, но за то здѣсь говорятъ съ большей ясностью, съ большею опредѣленностью, хотя, къ сожалѣнію, нѣтъ всеобщаго согласія. Такъ напримѣръ, Шоферъ и нѣкоторые другіе высказываются противъ 24-часовой всеобщей стачки. Не чувствуется полнаго единства и въ выборѣ средствъ, способныхъ помѣщать мобилизаціи, если таковая будетъ объявлена во Франціи. Резолюціи я и тутъ не буду приводить. Укажу просто, что громадное большинство съѣзда рѣшило, что рабочіе не откликнутся на призывъ къ войнѣ, что они воспользуются объявленіемъ войны, сплотятся противъ капитализма и объявятъ всеобщую стачку». Такимъ образомъ, внѣшней войнѣ, если таковая будетъ объявлена, рабочіе намѣрены отвѣтить внутренней гражданской войной. Ясно и просто, и въ этой безыскусственной ясности заключается вся сила и все значеніе этого съѣзда. Какъ первое предупрежденіе правительству, съѣздъ рѣшилъ объявить 24-часовую стачку, каковая и имѣла мѣсто 16 декабря 1912 г. Была ли она вполнѣ удачна? Увы, нѣтъ! Конечно, правительство приняло строгія мѣры, чтобы помѣшать стачкѣ; но, учитывая это обстоятельство, все таки приходится признать, что 24-часовая стачка не дала ожидаемыхъ результатовъ.

«16-ое декабря не потерянный день. Однакожъ онъ не далъ все то, что ждали отъ него, для того благого дѣла, которому онъ долженъ былъ послужить... За угрожающимъ жестомъ преступниковъ, способныхъ вызвать всеобщій пожаръ, полный неописуемыхъ ужасовъ, долженъ былъ бы послѣдовать предупреждающій жестъ, достойный причины, вызвавшей его и достойный народа, сдѣлавшаго его. Но вышло не то.

«Однакожъ, мы были бы очень не правы, если бы стали тревожиться и отчаиваться. Какъ бы онъ далекъ не былъ отъ нашихъ ожиданій, жестъ имѣлъ свое значеніе».*)

«Стачка, объявленная съ цѣлью протеста противъ войны, хотя она и не была единодушной и рѣшительной манифестаціей, чѣмъ она могла бы быть, если всѣ тѣ, которые стра-

*) «La Bataille Syndicaliste» № 601, 17 декабря 1912 г. (статья Ивто).

шатся войны приняли въ ней участіе, однакожъ, не была безплодна».*)

«Стачка не была всеобщей». Бастовавшихъ было много, число ихъ было бы еще больше, если бы не грубое правительственное давленіе. «Хотя она (стачка) и была значительной, она не взволновала того, что принято называть «общественнымъ мнѣніемъ»**) Почему это? Потому что движеніе въ Парижѣ не было нарушено, трамваи, отобюсы, метрополитэнъ, желѣзныя дороги не были пріостановлены, газъ и электричество доставлялся городу аккуратно, театры не пріостановили представленія, торговя въ магазинахъ шла своимъ чередомъ, всѣ газеты вышли безъ пріостановки. И это при 110 тысячахъ бастующихъ въ одномъ Парижѣ. ***) Характерно, что тѣ самые шоферы, которые на съѣздѣ были противъ стачки, 16 декабря вели себя очень энергично, и къ стачкѣ примкнули и подрались малую толику, однимъ словомъ, они дали парижанамъ почувствовать, что въ Парижѣ стачка.

Какъ и товарищи, мною цитированные выще, я думаю, что день 16 декабря имѣетъ свое значеніе, даже большое значеніе. 16 декабря — результатъ дѣйствія сознательнаго меньшинства. 100 тысячъ революціонеровъ, если они подлинно революціонеры, если они сумѣютъ проявить всю нужную отвагу и смѣлость въ тотъ день, когда они понадобятся для рѣшительнаго революціоннаго дѣла, сумѣютъ остановить руку преступниковъ серьезной угрозой гражданской войны — самой страшной изъ всѣхъ, какая можетъ быть брошена въ лицо современнымъ властителямъ судебъ народовъ. Она является еще страшнѣе, если исходитъ отъ народныхъ массъ, способныхъ слово подтвердить дѣломъ.

70-лѣтіе П. А. Кропоткина. *)

Подлинно міровою цѣнностью обладаютъ лишь тѣ рѣдкіе счастливые избранники судьбы, передъ которыми даже враги съ благоговѣніемъ снимаютъ шляпу. 70 лѣтіе нашего дорогого товарища показало, что онъ принадлежитъ къ числу такихъ рѣдкихъ счастливцевъ.

Въ разныхъ странахъ и на разныхъ языкахъ нашего друга и учителя чествовали кто какъ могъ, но всѣхъ объединяло одно общее чувство любви и уваженія къ человѣку, который, чтобы онъ ни дѣлалъ, чтобы онъ ни думалъ, всегда былъ великою совѣстью, необходимою для того, чтобы внести въ исторію то, что есть истинно *человѣческое* — духовность, душевность и общественность. Ни у одного изъ тѣхъ, кто отдалъ свою жизнь борьбѣ за лучшее будущее человѣчества такъ прекрасно, какъ у П. А. Кропоткина, не сочетаются эти три дара великой личности.

Мнѣ помнится, что буржуазный и полу буржуазный міръ старался скрыть, что Э. Реклю былъ анархистъ; ловко скользили мимо его анархизма и усердно хвалили великаго географа. Зазорно, чтобы такой великій человѣкъ былъ анархистомъ, желающимъ гибели всему буржуазному стро. Такая же попытка, хотя значительно въ меньшей мѣрѣ, имѣло мѣсто и во время чествованія П. А. Кропоткина. Охотно говорили о великомъ русскомъ человѣкѣ, объ ученомъ, даже патріотѣ, и старались елико возможно умолчать объ его революціонной дѣятельности. Но П. А. Кропоткинъ слишкомъ яркая фигура анархиста-революціонера, чтобы это было возможно. Одинъ изъ корреспондентовъ «Рѣчи» самымъ рѣшительнымъ тономъ сообщалъ своимъ читателямъ, что Кропоткинъ началъ *бунтарствомъ* и кончилъ *взаимною помощью*. Есть люди, для которыхъ не лишнее сотню разъ разъ повторить, что П. А. Кропоткинъ всегда былъ анархистомъ-революціонеромъ съ неустаннымъ темпераментомъ борца и такимъ онъ останется до послѣдняго вздоха. Свою благодарственную телеграмму устроителямъ митинга въ Лондонѣ 7-го декабря онъ закончилъ возгласомъ «Да здравствуетъ соціальная революція!» Это крикъ вѣрующаго, убѣжденнаго, бодраго революціонера, и намъ, не во время состарившимся молодымъ, нужно учиться вѣрѣ и бодрости революціонной у этого никогда не старѣющаго старика.

О—и.

БИБЛІОГРАФІЯ.

М. Корнъ. **Борьба съ Капиталомъ и Властью.**

Наши спорные вопросы.

Изданіе листковъ «Хлѣбъ и Воля». Лондонъ, 1912 года.

Брошюра товарища М. Корнъ заслуживаетъ серьезнаго вниманія. Ее долженъ внимательно прочесть каждый анархистъ, сознающій всю важность обсуждаемыхъ спорныхъ вопросовъ.

Авторъ брошюры указываетъ на двойственность, которой была проникнута психологія русскихъ анархистовъ: «въ душѣ ихъ жило раздвоеніе: имъ казалось, что они приносятъ свою жизнь въ жертву чужому идеалу, работаютъ для будущаго, которое для нихъ самихъ не имѣетъ никакого обаянія — для воцаренія у насъ «правового порядка» (стр. 8). Вполнѣ правильно: раздвоенность была отмѣчена почти всѣми, принимавшими участіе въ тяжелой, временами мучительно тяжелой, борьбѣ, въ Россіи. Само опасеніе, что вотъ, молъ, мы приносимъ свою жизнь въ жертву «чужому идеалу» выросло, по нашему мнѣнію, на почвѣ рокового безсилія — наполнить максималистическое *слово* соотвѣтствующимъ реальнымъ *дѣломъ*. Это очень хорошо, что «правовой порядокъ» былъ лишенъ всякаго обаянія въ глазахъ товарищей (увы, вопросъ только — въ глазахъ-ли всѣхъ товарищей?!?) Чувство гадливости и отвращенія какъ къ господствующему самодержавію, такъ и къ борющейся за свое господство демократіи — *здоровое* чувство! Но одного только чувства мало! Недостаточно однихъ только, хоть и глубоко продуманныхъ и усердно пропагандируемыхъ *идей*, лозунговъ. Нужно *массовое дѣло*. А для этого есть только одинъ путь: быть въ массѣ; формулировать наши лозунги такъ, чтобы ихъ подхватили массы, лишь тогда максималистическое слово перейдетъ въ дѣло. Такого реальнаго дѣла не было. Были попытки, нѣтъ, даже не попытки, а *планы* устройства революціонныхъ коммунъ. Но то-то и плохо, что это были планы: инициаторы не сумѣли организовать массу вокругъ этого лозунга. При такихъ обстоятельствахъ *здоровая* по существу ненависть къ демократіи носила отвлеченный характеръ, а сознаніе, что нѣтъ соотвѣтствующаго дѣла, породило недовольство собой, раздвоенность.

Слѣдующія слова автора брошюры показываютъ, что ему вполнѣ ясны задачи анархистовъ въ періодъ революціи, что онъ сознаетъ *неизбѣжность*, *жизненность* задачи — отмежеваться не въ *лозунгахъ* только отъ демократовъ. «Та идейная послѣдовательность, которая съ самого начала зарожденія анархическаго движенія — съ эпохи Интернаціонала и дѣятельности Бакунина — заставляетъ анархистовъ всѣми силами противиться раздѣленію во времени политическаго и экономическаго освобожденія, создаетъ для нихъ въ Россіи очень трудную и практическую задачу: выработать свое отношеніе къ происходящей борьбѣ съ точки зрѣнія совершенно обратной той, на которой стоятъ наши руководящіе соціалистическіе круги» (стр. 7).

М. Корнъ подчеркиваетъ завѣтъ Бакунина: *единовременность* политической и экономической революціи. И это очень важно: стоитъ только выбросить пунктъ о единовременности или «разъяснить» его — и тотъ или иной бойкій демократъ въ анархической мантіи легко докажетъ вамъ все, что угодно: что намъ *въ періодъ революціи* надо бороться, за свободу коалицій, (ну, конечно, *не такъ*, какъ борятся демократы), и т. п. Вотъ почему такъ цѣнна подчеркиваемая авторомъ, мысль, о единовременности моментовъ политическаго и экономическаго освобожденія, «Революція соціальная и революція политическая будутъ въ дѣйствительности неотдѣлимы одна отъ другой, да такъ оно и должно быть, потому что первая безъ второй — невозможность, безсмыслица, а вторая безъ первой — *надувательство*.» (Курсивъ нашъ. Утопистъ, стр. 19—25). Во всѣхъ приведенныхъ цитататахъ, позиція автора удивительно ясна и опредѣленна. Нѣтъ колебанія. Нѣтъ эклектики.

Въ дальнѣйшемъ же, увы, ясность позиціи теряется... «Нужно не пассивное равнодушіе къ борьбѣ за демократизацію политическаго строя, и тѣмъ болѣе не враждебное отношеніе къ этой борьбѣ, а нужна выработка *своей*, антигосударственной, программы политической борьбы, программы, которая опять-таки была построена на неотдѣлимости борьбы политической отъ борьбы экономической» (стр. 24).

Не совсѣмъ ясно это противопоставленіе — нужно *не* враждебное отношеніе къ борьбѣ, а (?) выработка своей программы. Вѣдь враждебное то отношеніе и вытекаетъ изъ нашего различнаго пониманія политической борьбы: нашъ лозунгъ — «*единовременность*» политическаго и экономическаго освобожденія; политическая революція безъ экономической — «надувательство»; а это «надувательство» — лозунгъ демократовъ минималистовъ! Какъ-же вы хотите, чтобы не относились, враждебно къ происходящей борьбѣ за демократизацію? Это невозможно, хотя бы по тѣмъ соображеніямъ, на которыя указываетъ «Рабочій Міръ»: «Разъ признано, что мы, вѣрные *формальнымъ* основамъ міровоззрѣнія — антидемократы; разъ признано, что... демократія непригодна, какъ орудіе классовой борьбы», что наши лозунги въ періодъ революціи не совпадаютъ съ таковыми демократовъ, то враждебное отношеніе къ борьбѣ, которую ведутъ демократы, неизбѣжно. Проповѣди же миролюбія не совсѣмъ понятна. Слѣдующія слова товарища Корнъ вполнѣ удовлетворительно объ-

---

*) «Les Temps Nouveaux», № 35, 1912 г.

**) «La Guerre Sociale», № 51, 1912 г. (статья Пуже).

***) Приблизительно столько же въ провинціи.

****) На митингѣ 9-го декабря 1912 года въ Парижѣ, была допущена одна оплошность: забыли прочитать привѣтствія отъ «Юдишеръ Арбайтеръ» и отъ группы «Рабочій Міръ»— исправляемъ эту оплошность здѣсь.

ясняютъ внутренній смыслъ этой проповѣди: «Нельзя отрицать наличность извѣстной политической эволюціи. нельзя ставить знакъ равенства между всѣми формами политическаго гнета на томъ основаніи, что мы хотимъ уничтоженія всякаго гнета (стр. 30).

Вотъ гдѣ собака зарыта! Конечно, если *нельзя* ставить знакъ равенства, то враждебное отношеніе не только излишне, но даже *преступно*.

Но тогда не лишается-ли авторъ права говорить *серьезно* о томъ, что политическая революція — надувательство? И не подаетъ-ли онъ справедливаго повода упрекать насъ, анархистовъ, въ томъ, что нашъ максимализмъ — митинговая, полемическая, парадная фраза»? (См. Р. М., № 1).

«Рабочій Міръ», напримѣръ, думаетъ, что ставить знакъ равенства между различными формами политическаго гнета — можно! И это не потому, чтобы онъ отрицалъ наличность политической эволюціи, а потому, что самодержавіе, какъ и демократія — *враги максимализма народнаго*.

Вотъ что непонятно: авторъ, казалось бы, долженъ былъ показать намъ — какъ сочетать анархическій антидемократизмъ съ теоріей неизбѣжности политической эволюціи, но онъ этого не дѣлаетъ. Но тогда авторъ долженъ отказаться отъ мысли — разрѣшить *«спорный вопросъ»*. Нельзя же въ самомъ дѣлѣ отдѣлаться такого рода заявленіемъ: «надо выработать свою собственную антигосударственную программу политической борьбы» — вѣдь, вопросъ идетъ именно о томъ, *какъ* сочетать эти «начала» въ *«антигосударственной»* программѣ?

М. Корнъ справедливо опасается, какъ-бы его слова о томъ, что «нельзя отрицать наличность извѣстной политической эволюціи» не подали повода думать, что авторъ идеализируетъ демократію. И авторъ заявляетъ: «это не значитъ, конечно, что мы восхищаемся политическимъ строемъ или «свободой» «современнаго рабочаго». Еще бы! Не доставало-бы, что бы анархистъ Корнъ «восхищался»! Кто-же, собственно, восхищается? Послѣдовательный радикалъ — и тотъ уже не восхищается! М. Корнъ даетъ классическое объясненіе, почему именно онъ «не восхищается» демократическимъ строемъ и «свободой» «современнаго рабочаго». «Въ какой-нибудь демократической республикѣ нашихъ дней люди не менѣе страдаютъ, не меньше возмущаются, не менѣе борятся; но лучше ужъ то, что они тамъ стали гораздо чувствительнѣе къ притѣсненію, гораздо нетерпимѣе. Для нихъ невыносимо то, что для насъ вполнѣ привычно. А въ сущности, вѣдь, въ этомъ состоитъ прогрессъ» (стр. 30).

И это все, что заставляетъ М. Корнъ «не восхищаться» демократическимъ строемъ!? Но вѣдь, точно, такіе же доводы можно выставить и противъ анархическаго строя!

А мы-то думали: *отвращеніе*, которое испытываетъ анархистъ къ «демократическому» строю — не эмоція, не плодъ настроенія, а имѣетъ глубочайшіе корни въ самой жизни, въ нашей теоріи! Мы думали: республика затемняетъ сознаніе массъ фикціей народной воли; развращаетъ психологію массъ мнимымъ и настоящимъ *пріобщеньемъ къ власти*! и т. д. Оказывается, что возмущеніе массъ объясняется ростомъ чувствительности къ гнету! Получается такая картина: между различными формами политическаго гнета знака равенства ставить нельзя. Правда, въ республикѣ люди страдаютъ, но дѣло не въ республикѣ, а въ ростѣ здороваго чувства — возмущенія гнетомъ. Мы уже указывали, что съ такимъ-же правомъ и на такихъ-же основаніяхъ авторъ можетъ «не восхищаться» и анархическимъ строемъ: субъективно люди будущаго, возможно, не будутъ счастливѣе насъ, людей настоящаго. Авторъ съ этимъ вполнѣ согласенъ: «наши потомки, быть можетъ, субъективно не будутъ себя чувствовать счастливѣе, чѣмъ мы». И даже это обстоятельство не заставило автора менѣе «универсальныхъ» поводовъ къ тому, что-бы «не восхищаться» демократіей — изумительно!

Я полагаю, что авторъ брошюры далъ образчикъ колебанія, раздвоенности. Здѣсь нѣтъ минимализма, точнѣе, нѣтъ минимализма послѣдовательнаго, строго продуманнаго, а есть колебаніе между анархическимъ антидемократизмомъ и теоріей наличности «политической эволюціи».

Въ самомъ дѣлѣ; мы ни на минуту не допускаемъ и мысли о томъ, что у тов. Корнъ нѣтъ иныхъ поводовъ не восхищаться «свободой» современнаго рабочаго!

Чѣмъ-же объясняется странная аргументація автора? Вотъ чѣмъ: *неустойчивостью занятой позиціи*. Заявлено, что политическое освобожденье безъ экономическаго — надувательство! А черезъ 10 страницъ приходится доказывать, что существуютъ различныя степени гнета, что ставить «знакъ равенства» между различными формами гнета можно только «въ пылу спора».

Послѣднія положенія обязываютъ автора не очень ужъ рѣзко критиковать демократію. Авторъ только «не восхищается»; затѣмъ слѣдуетъ мотивировка, такая общая, универсальная, что ею можно пользоваться какъ доводомъ противъ всѣхъ *формъ* общежитія, а, слѣдовательно и противъ одной.

Это — результатъ неустойчивости.

Наша рецензія черезъ-чуръ разрослась, мы должны кончить. Скажемъ наше мнѣніе: вы найдете въ брошюрѣ М. Корнъ много вѣрныхъ, не новыхъ, конечно, но вниманія достойныхъ, замѣчаній. Разрѣшенія-же «спорныхъ» вопросовъ вы въ брошюрѣ не найдете.

Утопистъ.

Обращеніе къ заграничнымъ группамъ русскихъ анархистовъ-коммунистовъ.

Товарищи! Всѣ, слѣдящіе за ходомъ развитія внутренней жизни Россіи, констатируютъ отрадный фактъ: реакція, залившая кровью страну, начинаетъ ослабѣвать. Масса народная начинаетъ пробуждаться. Учащаются случаи протеста противъ тѣхъ или иныхъ звѣрствъ; стачечное движеніе растетъ и ширится.

Быть можетъ, эти, пока еще разрозненныя выступленія массъ являются предвѣстниками общенароднаго движенія.

Мы, анархисты, должны быть въ авангардѣ народныхъ движеній. И намъ необходимо учесть начинающееся пробужденіе массы. Всѣ партіи зашевелились. Пора и намъ приняться за широкую практическую работу въ Россіи, Подготовительные шаги мы можемъ дѣлать уже сейчасъ, за границей.

Мы всѣ помнимъ до какой степени отсутствіе связей и фракціонная раздробленность, мѣшали широкой постановкѣ работы. Пора всѣмъ сознать необходимость устройства федеративнаго союза всѣхъ русскихъ анархическихъ группъ за границей, который долженъ помогать нашему движенію въ Россіи.

Исходя изъ этого положенія Льежскій кружокъ а.-к. «Анархія», предлагаетъ всѣмъ группамъ, сочувствующимъ высказанной мысли, устроить съѣздъ, который положилъ бы основаніе федеративному союзу и занялся бы разрѣшеніемъ наиболѣе назрѣвшихъ вопросовъ.

Въ первую очередь по нашему мнѣнію, долженъ быть поставленъ вопросъ о дѣятельности заграничныхъ группъ. Само собой разумѣется, что намъ придется заняться пересмотромъ тактики въ связи съ современнымъ положеніемъ Россіи. Никто не станетъ отрицать, что благодаря тѣмъ или инымъ тактическимъ пріемамъ (а также и по многимъ другимъ причинамъ) наше міровоззрѣніе было невѣрно понято широкими массами, и анархическое движеніе пошло по пути, который и послужилъ, отчасти причиной его упадка. Съѣздъ долженъ обсудить вопросы объ общемъ издательствѣ и органѣ.

Отъ редакціи. Охотно помѣщаемъ «обращеніе» Льежскаго Кружка. Редакція воздерживается пока отъ сужденія о томъ, насколько предлагаемый съѣздъ можетъ способствовать постановкѣ практической работы въ Россіи.

Просимъ товарищей высказаться по этому поводу. «Рабочій Міръ» охотно помѣститъ всѣ сдѣланныя группами и отдѣльными лицами заявленія.

Льежскій кружокъ а. к. «Анархія».

Товарищи! Будьте любезны помѣстить въ «Рабочемъ Мірѣ» отчетъ о 2 рефератахъ т. Оргеіани, состоявшихся въ Montpellier: первый 30 го ноября, а второй 4 декабря.

ПРИХОДЪ.

Съ перваго реферата	61 fr. 50 c.
Со второго »	23 » 50 »
Итого	85 fr.

Въ пользу каторжанъ собрано 33 fr. 50 c. Деньги переданы по назначенію.

РАСХОДЪ.

Дорога референта и др. мелкіе расх.	74 fr. 35 c.
Помѣщеніе	4 » 15 »
Депеша Кропоткину	7 » 20 »
Итого	85 fr. 70 »

Съ тов. привѣтомъ *Американецъ Вахтазаръ.*

Получено въ пользу «Р. М.» изъ Женевы черезъ т. С. 17 fr. 50 сант. (10 fr. отъ Женевской группы и 7 fr. 50 сан. отъ Groupe anarchiste italien).

Получено отъ Кирилла 10 fr.

Другіе денежные отчеты будутъ помѣщ. въ слѣд. номерѣ.

6-ой № «Раб. Міра». выйдетъ въ увеличенномъ размѣрѣ.

Адресъ для корреспонденціи и для денегъ:

Zürich, Post Banhof, Postfach 15496.

Eduard Meier.